

Бовыкин Владимир Валентинович

ОБЩЕЖИТИЙНЫЕ МОНАСТЫРИ И РАЗВИТИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV-XVI ВВ.

Анализируя широкий круг источников XV-XVI вв. и опираясь на достижения отечественной историографии, автор отмечает, что опыт и практика хозяйственной жизни русского общежитийного монастыря оказали существенное влияние на развитие институтов местного самоуправления в начальный период становления единого Русского государства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 54-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Возврат к прогрессивным офицерским традициям, их популяризация, особенно традиций верности присяге, чести и доблести, товарищества и заботы о личном составе, личного примера и культуры, использование фактического материала в воспитательной работе с различными категориями военнослужащих и, прежде всего, в кадетских корпусах, военных институтах, академиях и университетах позволят сделать офицерскую службу более привлекательной, будут способствовать притоку в нее достойного пополнения.

Список литературы

1. **Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи** (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. ШГФ.
2. **Архив ВИМАИВ и ВС**. Ф. 2. Оп. 97/20.
3. **Бенда В. Н.** К вопросу организации воспитательного и учебного процесса в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе (АИШКК) и системы воспитания в целом во второй половине XVIII в. // Научная сессия ГУАП: сб. докл.: в 3-х ч. СПб.: ГУАП, 2011. Ч. III. Гуманитарные науки. 425 с.
4. **Бенда В. Н.** «Присяга на верность...» как одно из средств воспитания патриотизма в России и русской армии в XVIII в. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2009. № 12. Вып. 31. С. 56-63.
5. **Бенда В. Н.** Причины учреждения, создание и начало деятельности Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6. Ч. 1. С. 34-40.
6. **Инструкция воспитателям**. СПб.: б.м., б.г. 11 с.
7. **Каменев А. И.** Наука побеждать. Воспитание офицера и генерала – основа побед и поражений: исторический опыт русской и советской военных школ [Электронный ресурс]. URL: http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich (дата обращения: 04.12.2007).
8. **Российский государственный архив древних актов** (РГАДА). Ф. 248. Оп. 3.
9. **РГАДА**. Ф. 248. Оп. 7.
10. **Российский государственный военно-исторический архив** (РГВИА). Ф. 314. Оп. 1.
11. **Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук** (СПбФА РАН). Ф. 3. Оп. 9.

**FEATURES OF EDUCATION PROCESS IN MILITARY-EDUCATIONAL SCHOOLS
OF RUSSIA IN THE XVIIITH CENTURY**

Vladimir Nikolaevich Benda, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Philosophy
Leningrad State University named after A. S. Pushkin
bvn.1962@mail.ru

The author studies the features of education work organization and conduct in military-educational schools, which functioned in Russia in the XVIIIth century, and pays special attention to the substantiation of the need for education activity in military-educational schools, the analysis of the reasons of military discipline and established order violations, as well as the consideration of the goals and objectives, forms and methods of discipline maintaining and strengthening among students in special military schools and cadet corps throughout the XVIIIth century.

Key words and phrases: the XVIIIth century; military-educational schools; discipline; general order; education process; goals and objectives of education; forms and methods of education activity.

УДК 930.23(47)041

Исторические науки и археология

Анализируя широкий круг источников XV–XVI вв. и опираясь на достижения отечественной историографии, автор отмечает, что опыт и практика хозяйственной жизни русского общежитийного монастыря оказали существенное влияние на развитие институтов местного самоуправления в начальный период становления единого Русского государства.

Ключевые слова и фразы: самоуправление; общежитийный устав; монастырь; землевладение; управление.

Владимир Валентинович Бовыкин

Кафедра истории России с древнейших времен до XX века
Санкт-Петербургский государственный университет
vladimireastock@rambler.ru

**ОБЩЕЖИТИЙНЫЕ МОНАСТЫРИ И РАЗВИТИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV–XVI ВВ. ©**

В исторической литературе, как справедливо утверждают исследователи, давно отмечено, что введение в русских монастырях общежитийного устава сыграло основную роль в организации монастырского

корпоративного землевладения [3, с. 14]. Автор настоящей статьи задался целью, как представляется, впервые в исторической науке, обозначить еще один важный аспект проблемы «введения общежития» в монастырях – развитие самоуправления как института реализации власти и управления. Ниже будет показано, что опыт и практика хозяйственной жизни общежитийного монастыря оказали существенное влияние на формирование этого института.

Материальные интересы, житейские отношения, хозяйственные заботы, эксплуатация земель и промыслов способствовали превращению монастыря в землевладельческое или промышленное товарищество. Организационную структуру такого «товарищества» М. М. Богословский описал в своем фундаментальном труде следующим образом. «Товарищество выбирает игумена как директора, распорядителя, казначея, заведующего финансами, келаря, на котором лежит монастырское хозяйство, стряпчего, которому поручается ведение многочисленных и нередко сложных процессов, в какие вступает монастырь по своему имуществу, “купчину”, заведующего торговыми операциями, назначает “приказных” и “посельских” старцев для управления монастырскими именьями». По мнению историка, организация монастырского управления отражала на себе устройство управления земских миров [2, с. 83].

«Многие из северных монастырей были первоначально мирскими», – утверждала М. А. Островская. Однако, «рано или поздно», они (монастыри) «ускользают из мирских рук и становятся такими же вотчинниками, ... как и другие монастыри». Тем не менее, «порядки того времени не замерли при уходе монастыря из мирских рук, а только видоизменились». В некоторых монастырских вотчинах, например, в Устюжской епархии, по мнению М. А. Островской, вообще не было приказчиков, а «для скотского присмотру и хлебного приему ко измолоту...» посылались «привилегированные вкладчики, которые обязывались с братьею “быть в совете и в послушание и радеть и промышлять о всяком монастырском строении неоплошно, всею душою и всем сердцем”». Исследовательница народной жизни полностью поддержала мнение М. М. Богословского о том, что северные монастыри управлялись на выборном начале, и монастырские выборы были сходны с земскими [22, с. 209, 210; 29, с. XVII].

Верно подмеченная исследователями еще в XIX столетии схожесть устройства управления земских миров с монастырским в средние века, как кажется, требует уточнения. Общежитийный монастырь как самоуправляющаяся в хозяйственном отношении структура отличался от самобытной общины черносошных волостных крестьян качественно иным (более высоким) уровнем организации внутреннего и внешнего управления. И этому качеству есть достаточно простое объяснение.

Процесс трансформации монастыря как института социальной организации людей на основе общих взглядов из малой обители в крестьянскую общину [34, с. 155] и далее в «феодальную» землевладельческую корпорацию стимулировал его «жизненные силы», препятствуя анабиозу. Являясь «средоточием самых лучших по благочестию людей своего времени» [4, с. 41], монастырь заставлял лучшие умы древней и средневековой Руси волей-неволей (в буквальном смысле) заниматься задачами выживания, противостояния и соответствия окружающему миру, вопросами совершенствования управления и организации, проблемами строительства и власти своих социальных институтов. Когнитивный фактор обеспечивал в немалой степени выдающееся положение монастырской общины по сравнению с другими коллективными организмами, составлявшими светскую вотчину или черносошную крестьянскую волость.

Самоуправление, конечно, играло важную роль в процессе исторических метаморфоз монастырской общины (как, собственно, и в любом другом коллективе в период раннего средневековья), но к концу XV в., кажется, занимает уже соответствующее своему значению и потенциалу отведенное ему место в общей системе монастырского хозяйственного управления. В этой сфере деятельности локального сообщества черноризцев возрастает роль административного фактора, управленческого профессионализма.

Едва ли «простые» земледельцы, население окружающих монастырь черносошных сел и деревень, хотя и объединяемые аналогичными жизненно важными практическими установками и взаимным интересом, могли воспроизвести «монастырское качество». Тем не менее, оба социума – волостная община и монастырская корпорация исходили из одной почвы и в организационном плане не могли быть чужеродными друг другу.

Монастырская колонизация Центра, а позднее, Севера и Северо-Востока совпадала с крестьянской колонизацией. Это совместное движение способствовало возникновению новых социальной и хозяйственной традиций, сочетавших материальные заботы с привнесением в жизнь, в труд и быт нравственного начала Божьих заветов. Монашеские колонии становились центрами и крестьянской колонизации.

Постепенно происходило взаимопроникновение и взаимообмен «рафинированной» церковной и народно-религиозной культур и ценностей [9, с. 342]. И, конечно, процесс осознания общности интересов и исторических судеб начался задолго до конца XV в.

Традиция монастырского устройства на Руси по Студийскому общежитийному уставу берет свое начало в практике преподобного Феодосия в Печерском монастыре в XI в. Игумен Феодосий не только не изолировал своего монастыря от мира, но поставил его в самую тесную связь с мирским обществом [32, с. 31].

Рядом с монастырем всегда бывал «Мирь», но это соседство порождало не только взаимную «эксплоатацию» [7, с. 640]. «Та быстрота, с которой исчезло истинное общинножитие из самого Печерского монастыря, следовательно – то совершенное нерасположение к нему монахов самого этого монастыря» приводит, как считал Е. Е. Голубинский, к мысли, что и в других монастырях общинножитие «в своем истинном виде» не приживалось. А слова летописца «от того монастыря переяша вси монастыреве устав» не следует понимать дословно [7, с. 631; 18, с. 78, 79].

«Важна была услуга Феодосия русскому монашеству та, что он первый ввел общежительный устав в свой монастырь, – писал историк Церкви П. С. Казанский, – но еще важнее было то, что своим мудрым правлением, своею святою, высокою жизнью, он дал силу и жизнь этому уставу, доставил ему такое уважение, что его начали вводить во все русские обители» [12, с. 73, 74].

От обители преп. Феодосия заимствовал свой устав нестяжательного общежития преп. Кирилл Белозерский [6, с. 604, 605; 11, с. 37; 12, с. 183; 19, с. 217; 26, Т. 3, с. 488; 33, с. VII]. Общинножителство было введено Сергием Радонежским в Троице в середине XIV в. [15, с. 246]. Монастырь стал общиной с коллективной собственностью [12, с. 183; 14, с. 34; 15, с. 56, 57]. Преподобный Ефросин написал общежительный устав для основанного им Спасо-Елиазаровского монастыря в Псковской земле в XV в. «Целый ряд данных говорит за то, что при составлении своего устава преподобный имел в виду особенности местной монастырской жизни», – писал Н. И. Серебрянский. Исследователь утверждал, что для «новгородско-псковской жизни XIV–XV вв.» община или товарищество были настолько характерными явлениями, что «общинный принцип» легко проникал в строй общежительной монастырской и церковной жизни. «Очень вероятно» – так оценивает историк, возможность влияния порядков, существовавших в светских общинах, на процесс формирования общинножития, например, в Снетогорском монастыре [30, с. 234, 235, 288].

Я. С. Лурье обратил внимание на тот факт, что введение в XV в. общежитийного устава (устава Ефросина) произошло впервые именно в Пскове, представлявшем собой в то время центр стригольнического движения, что было, по сути, ответом на критику официальной Церкви со стороны еретиков [16, с. 128]. «Стяжание чужих трудов... отнюдь несть на пользу нам...» – фиксировал свою позицию сам игумен [11, с. 47].

Община в общежительных монастырях была «довольно оригинального устройства», считал А. И. Никитский, поскольку в ее состав входили и старцы (отрекшиеся от мира иноки по призванию), и вкладчики (миряне, обеспечивавшие себе право на причисление к монастырю внесением вклада). В сущности, утверждал исследователь, внутреннее управление монастырей и общежительных, и отшельнических одинаково основывалось на выборном начале, «и всякое уклонение от него порицалось как незаконное». Власть игумена и других функционеров (келаря, казначея и т.п.), как правило, дополнялась властью коллегиальной, собором. К последнему могут быть причислены, кроме уже упомянутых лиц, либо вся рядовая братия монастыря (если монастырь был небольшой по размеру), либо «излюбленные» (соборные) старцы [20, с. 53].

В монастырских соборах принимали участие церковные старосты как представители «мирского патроната». Что касается распределения сил и влияния между разными ветвями власти, то неограниченным авторитетом игумен пользовался только в одной духовной сфере. Вторжению мирян в церковную область [26, Т. 2, с. 412, Т. 3, с. 494, 495] в особенности содействовало то обстоятельство, что большая часть храмов как церквей, так и монастырей находилась в хозяйственной зависимости от мира [20, с. 57, 58; 21, с. 41, 42, 46, 47].

Будущий митрополит Макарий во время своего пребывания в должности архиепископа в Новгороде, заручившись поддержкой великого князя Василия Ивановича, весьма активно занимался уставлением общежительских правил в местных монастырях [1, № 292; 6, с. 747, 752–754; 10, № 25; 24, с. 284, 285]. «Можно предположить, – писал Б. А. Рыбаков, – что введение общежитийного устава одной из своих задач имело распространение монашеской дисциплины на принадлежащих монастырю крестьян, превращение их в меньшую братию» [27, с. 29].

Историк русской Церкви Макарий (Булгаков) в своем фундаментальном труде провел сравнительный анализ содержания правил монастырского общежития, разработанных пр. Ефросином, пр. Иосифом, новгородским архиепископом Макарием, пр. Конилием Комельским, пр. Герасимом Болдинским. «Утвердить и возвысить иноков... в самоотвержении, в отречении от собственной воли, смирении и послушании... от всех благ мира, от всякой собственности, в нестяжательности...» – таковы, по мнению исследователя, были намерения отцов-основателей, апологетов общежития [17, с. 61–74].

Принципы личного «нестяжания», которых придерживались и эти церковные деятели, видимо, не подвергались пересмотру, но постепенное превращение монастырей в крупных земельных собственников неизбежно меняло всю ситуацию [31, с. 160]. По буквальному смыслу древнего монастырского типика, – писал А. А. Савич о Соловецком монастыре, – он должен был представлять коммуну, организованную на точном разграничении труда между ее членами и на справедливом распределении продуктов потребления. Действительность же к концу XV в. «представляла нечто другое» [23, с. 129, 139; 28, с. 207].

Монастырские активы: села и деревни, угодья и промыслы, наличные деньги, наконец, – все это требовало надлежащего управления и не могло поэтому быть оставлено без внимания. Обладание перечисленными ресурсами, кажется, автоматически накладывало на монастырь обязательства как перед государем, так и перед миром. Налоговый иммунитет, который еще надо получить и удержать за собой [13, с. 124, 125], пусть никого не введет в заблуждение относительно желания «патрона» получить максимум возможного с «клиента». «И поимали много по всем монастырем... а строения в монастырях никоторого не прибыло, и старое опустело. Где те прибыли и кто ими корытуется...» – недоумевал Грозный царь [25, с. 271].

Самоуправляющаяся монастырская община, становясь обладателем «стяжаний», оказывается перед необходимостью мобилизации либо из своих рядов, либо откуда-то извне лиц, способных к администрированию новых функций. Другого выхода в складывающейся ситуации не было. Приказчик становится основной фигурой в монастырской хозяйственной деятельности. Но за его спиной, конечно, были традиции, опыт и практика системной работы корпорации по эксплуатации материального и духовного мира.

«Монастырскую школу» самоуправления проходили многие. Процесс «обучения» шел не только в его вотчине, под началом приказчика, старца или другого функционера. Кто мог и хотел обучаться, делали это ежедневно. В тяжбах за землю и угодья «экзамену» на соответствие «занимаемой должности» часто подвергался, например, волостной староста, а вся крестьянская община проверялась на ее способность к самоорганизации.

Справедливым представляется отметить здесь фундаментальный труд М. И. Горчакова «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988–1738 гг.)». Из опытов исследования в истории русского права». Как кажется, это одна из первых (если, не первая) в отечественной исторической науке монография, посвященная вопросам землевладения высшей церковной власти в России. Особое внимание в своей работе автор уделил одному из «замечательных, оригинально-русских и не объясненных вполне наукой» способу пользования земельными владениями со стороны «кафедры всея России митрополитов» [8, с. 177].

Большая часть митрополичьих земель, писал автор, «отдавалась в бессрочное владение, пользование и внутреннее распоряжение... различным основанным на землях установлениям, как-то: монастырям, селам, деревням, посадам, слободам, даже городам». Одним из таких «установлений» были так называемые «домовые митрополичьи монастыри», состоявшие в зависимости от кафедры не только как учреждения религиозные, но и по отношению земельным [5, с. 440; 8, с. 178].

Исследователь, опираясь на актовый материал, пришел к выводу, что устройство поселений и общинный быт крестьян на монастырской земле, отданной им в бессрочное пользование, были похожи на устройство таких же поселений и общин на тех землях, что оставались за монастырем для его собственных нужд. Главное различие между теми и другими состояло в разных адресатах повинности и податей. Крестьяне домовых земель митрополита исполняли свои обязанности по земле непосредственно в пользу кафедры, а население монастырских земель – монастырю [8, с. 187, 188].

«Главная забота сельских обществ на землях митрополита обращена была, после самоустроения, на раскладку и разверстку земли между своими членами», – утверждал М. И. Горчаков. Заботясь о соразмерности населения количеству земли, община могла призвать на свободный участок нового земледельца, а могла и распределить землю среди своих членов. Разрубы и разметы в различных повинностях также регулировались самой общиной [Там же, с. 210–213].

И, наконец, наиболее значимый для решения задач настоящего исследования вывод, к которому пришел ученый. «В патриарших вотчинах не только сохранилось самоуправление сельских обществ, установившееся в них с древних времен, но еще более окрепло против прежнего времени, приняло формы строго юридические и находилось под надзором центрального вотчинного управления и приказчика» [Там же, с. 382].

Будучи с самого начала своего существования локальной самоуправляющейся ячейкой общества, монастырь раньше других местных сообществ освоил все доступные ему материальные и другие ресурсы для устройства того способа организации своей жизни, который мы обнаруживаем посредством источников. Процесс развития монашеской общины как социального организма, насколько он может быть зафиксирован в данный период времени, в каком-то смысле превосходит изменения в обществе в целом, задает вектор всей социально-политической трансформации.

Декларируемые идеалистические принципы самоуправления и равенства братии с течением времени уступают место прагматическим соображениям. Баланс идеала и практики жизненной необходимости смещается в сторону последней. Каждое вновь достигнутое равновесие в этой системе нестабильно и нарушается по мере развития объекта влияния в качественно иное состояние. В этом движении общежитийный монастырь представляет собой динамическую модель вновь образованной государственности в той ее части, которая относится к внутреннему устройству.

Русская управленческая элита хорошо знала отечественную историю, имела свои представления о ходе исторического процесса, о роли и месте в нем народа, Церкви и государя. Монастырская модель была, что называется, перед глазами.

Центральная власть никогда не оставалась равнодушной к внутрицерковной и монастырской жизни, но принимала живейшее участие во всех вопросах духовной и бытовой ее стороны. Тот факт, что великие князья московские и царь выступали именно за общежитийное устройство монастырей, свидетельствует в определенной степени о рационалистическом понимании проблемы. Не все определялось древними византийскими догматами и Святым Писанием.

Выбор элит в результате ожесточенной междоусобной борьбы, что нашло свое отражение, например, в современной публицистике, был сделан. Монастырь именно в общежитийном своем качестве был определен одной из составляющих того фундамента, на котором только и могло быть построено новое Русское государство. Если и не «становой хребет экономики», то уж точно существенная ее часть. Духовные корпорации были «призваны на службу». Реформы середины XVI в. легитимизировали традиции местного самоуправления, важнейшую роль в становлении которых сыграли русские общежитийные монастыри.

Список литературы

1. **Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.** СПб.: Тип. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 1. 1334–1598. VIII+551+44 с.
2. **Богословский М. М.** Земское самоуправление на русском севере в XVII веке: в 2-х т. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1909–1912. Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. VIII+322+105 с.
3. **Бурейченко И. И.** Монастырское землевладение и хозяйство Северо-Восточной Руси во второй половине XIV века: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1966. 20 с.

4. **Валаамский монастырь и его подвижники** / издано иждивением Валаамского монастыря. Изд-е 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1889. IX+335 с.
5. **Веселовский С. Б.** Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. 496 с.
6. **Голубинский Е. Е.** История русской Церкви. М.: Имп. о-во истории и древностей российских, 1900. Т. 2. Период второй, Московский. Первая половина тома. 4+VIII+919 с.
7. **Голубинский Е. Е.** История русской Церкви. М.: Крутиц. патриаршее подворье; О-во любителей церков. истории, 1997. Т. 1. Период первый, Киевский или Домонгольский. Вторая половина тома. 926+XVII с.
8. **Горчаков М. И.** О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988–1738 гг.). Из опытов исследования в истории русского права. СПб.: Тип. А. Траншея, 1871. 4+558+252 с.
9. **Домников С. Д.** Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейя, 2002. 672 с.
10. **Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею.** СПб.: Тип. Собств. Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. Т. 1. III+400+33 с.
11. **Древнерусские иноческие уставы.** М.: Северный паломник, 2001. 304 с.
12. **Казанский П. С.** История православного русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания Лавры св. Троицы преподобным Сергием: соч. экстраод. проф. Моск. духовной акад. Петра Казанского. М.: Тип. А. Семена, 1855. 205 с.
13. **Каштанов С. М.** Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI вв.). М.: Наука, 1996. 265 с.
14. **Кобрин В. Б.** Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М.: Мысль, 1985. 279 с.
15. **Кудрявцев М.** История православного монашества в Северо-Восточной России со времен преподобного Сергея Радонежского: в 2-х ч. / сост. дьякон Матвей Кудрявцев. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К, 1881. Ч. 1. 254+IV с.
16. **Лурье Я. С.** Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого – памятник идеологии раннего иосифлянства // Труды Отдела древнерусской литературы. 1956. Т. 12. С. 116–140.
17. **Макарий (Булгаков М. П.).** История русской Церкви Макария, архиеп. Литовского и Виленского. СПб.: Тип. Ю. А. Бокрама, 1874. Т. 7. Кн. 2. 4+VIII+529 с.
18. **Макарий (Булгаков М. П.).** История русской Церкви Макария, митрополита Московского. Изд-е 3-е. СПб.: Тип. Р. Годике, 1888. Т. 3. 322+V с.
19. **Макарий (Булгаков М. П.).** История русской Церкви Макария, митрополита Московского. СПб.: Тип. Р. Годике, 1886. Т. 4. История русской Церкви в период Монгольский. Кн. 1. 4+VIII+388 с.
20. **Никитский А. И.** Очерк внутренней истории Церкви в Великом Новгороде // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Март. Ч. ССII. С. 1–66.
21. **Никитский А. И.** Очерк внутренней истории Церкви во Пскове // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Май. Ч. CLV. С. 1–70.
22. **Островская М. А.** Земельный быт сельского населения русского севера в XVI–XVIII веках. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1913. X+370+96 с.
23. **Охотина Н. А.** «Сказание о Валаамском монастыре» – неизвестное сочинение второй половины XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1993. Т. 47. С. 121–147.
24. **Полное собрание русских летописей.** СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853. Т. 6. Софийские летописи. 360 с.
25. **Российское законодательство X–XX веков:** тексты и коммент.: в 9-ти т. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства (XIV–XVI вв.) / отв. ред. А. Д. Горский. 519 с.
26. **Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века:** сб. / под ред. В. И. Буганова. М.: Ин-т истории, 1986. Т. 1–4. 942 с.
27. **Рыбаков Б. А.** Воинствующие церковники // Антирелигиозник. 1934. № 3. С. 21–31.
28. **Савич А. А.** Соловецкая вотчина XV–XVII в. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь: О-во историч., философских и соц. наук при Пермск. госуд. ун-те, 1927. 280 с.
29. **Сенигов И. П.** Памятники земской старины. Изд-е 2-е. Пг.: О-во нравственного и умственного просвещения народа, 1918. 372 с.
30. **Серебрянский Н. И.** Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории псковского монашества. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1908. 2+IV+580+VI с.
31. **Скрынников Р. Г.** Государство и Церковь на Руси XIV–XVI вв.: подвижники русской Церкви. Новосибирск: Наука, 1991. 397 с.
32. **Федотов Г. П.** Святые древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 121 с.
33. **Феофан (Говоров Г. В.).** Древние иноческие уставы пр. Пахомия Великого, св. Василия Великого, пр. Иоанна Кассиана и пр. Венедикта, собранные епископом Феофаном. М.: Типо-лит. И. Ефимова, 1892. 654+VIII+2 с.
34. **Щапов Я. Н.** Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.

COENOBITIC MONASTERIES AND DEVELOPMENT OF SELF-ADMINISTRATION IN RUSSIAN STATE OF THE XVTH-XVITH CENTURIES

Vladimir Valentinovich Bovykin

*Department of Russian History from Ancient Times till the XXth Century
St. Petersburg State University
vladimireastock@rambler.ru*

By analyzing the wide range of sources of the XVth-XVIth centuries and basing on native historiography achievements the author shows that the experience and economic life practice of Russian coenobitic monastery had significant influence on the development of local self-administration institutions during the initial period of the Russian unified state formation.

Key words and phrases: self-administration; coenobitic charter; monastery; land tenure; administration.